

Год творческих поисков

Минувший год с того дня, как русский драматический театр ПрикВО начал свою работу во Львове.

Один только год... А ведь это — триста шестьдесят пять дней, каждый из которых наполнен огромным напряжением сердца, нервов. И каждый день — это творчество: вечером — волнующая встреча со зрителем, а утром — работа над решением нового образа, кропотливые поиски выразительных средств, необходимых для того, чтобы передать облик героя нашей современности во всем его красочном многообразии. А герой этот таится в каждом советском человеке — чабане и профессоре, слесаре и генерале, свинарке и архитекторе — в каждом, кто строит нашу жизнь. Создать торжествующий гимн человеку-творцу — благородная, но и трудная задача.

Как найти характерные черты реальной действительности, наполненные романтикой завтрашнего? Искания, срывы, обиды на свое несовершенство, когда не можешь порой передать то, что уже внутренне ощущается в сердце! И снова упорный труд, бесконечные поиски в памяти событий, людей.

И не идет, а мчится актер к 11 часам в театр. Он нашел, наконец, то, что искал, он стремится на сценическую площадку. И вот, уже не замечая окружающих, застыл где-то в углу, весь собран. Невольно водворяется тишина, все говорит полупропотом, ходят бесшумно. Идет репетиция.

Из зала несетя бесстрастное режиссерское: «Начали, товарищи» — и в ответ на это сухое «начали» на сцене вдруг зарождается неожиданная для всех страстная вдохновенная жизнь. Это уже не знакомый нам актер — нет, это новый человек, неизвестный и вместе с тем такой близкий нам, живущий в гуще событий

пьесы. Это день радости для театра, день рождения нового образа. В дневнике главного режиссера этот день обведен красным карандашом. Поставлена дата. Успех!

А бывают дни серые, полные раздражения: не ладится... И вновь оживает фантазия актеров, вступает в права железная логика фактов, поступков героя, вновь из памяти извлекаются жизненные ассоциации и увлекательные события, которые подсмотрел наблюдательный глаз художника.

Триста шестьдесят пять дней... Это не менее 280 встреч со зрителем. Это минимум 150 тысяч зрителей, каждый из которых вынес свое суждение о спектакле.

Этих встреч не забудешь. Они начались для нас во Львове в чудесном помещении театра оперы и балета.

Перед зрителем был занавес — бессмертное творение художника Семирадского — гроздья винограда, лучи солнца, музы, аллегорические фигуры, символизирующие искусство. Помпезно, празднично, привычно для львовян. А кто там, за этим занавесом? Кто они, эти актеры, и каково их мастерство? Зритель волновался. Он так искренно хотел верить, что это будет хороший театр, так надеялся, что, когда уйдет вверх яркое полотно Семирадского и медленно раздвинется красный бархат, увидит увлекательную жизнь и художников, создавших эту жизнь.

И вот отзвучала медь оркестра. Из полумрака выступили очертания фигуры командира, склонившегося над картами. Шел спектакль «Песнь о черноморцах».

Эту картину сменили батарея и люди, полные поэтической прелести и в то же время героического торжества жизни над смертью. Зрители верили им, даже гибель всей батареи Сагайдачного, пронзившая их сердца щемящей болью, в то же время наполнила их гордостью за своих сооте-

чественников. Все, казалось, идет хорошо. Но почему же все-таки оставалось чувство неудовлетворенности? Да потому, что эти люди, полные романтики борьбы, жили и действовали в обстановке необычайно скучных серых холстов декораций, в каком-то конструктивном оформлении. Оно было холодным и жестким, оно не помогало актеру и не дополняло созданного им образа.

Шли следующие спектакли. Зритель видел стремительный поединок героя чешского народа Юлиуса Фучика с гестаповцем Бемом, героическую эпопею легендарного разведчика Кузнецова и славную страницу истории русского оружия — оборону Порт-Артура. Все эти картины и образы волновали его, но все же он ждал большего.

И это ожидание большего, эта неудовлетворенность настоящим передалась всему коллективу театра, который прошел славный, почти двадцатипятилетний путь развития. Он был испытан в боях, и в нем была твердая вера в свои силы. А это помогло не растеряться, сплотило людей еще крепче.

Коллектив перестроил свои ряды. Он внимательно стал изучать эстетический уровень зрительной аудитории.

Стояла задача найти контакт со зрителем — тесный, неразрывный, крепкий. Театр приступил к работе над первенцем своего творчества во Львове, к пьесе Гусева «Сын Рыбакова». Это была не просто работа, нет, — это заново пересматривались наши методы работы актера и режиссера, это было очищение от наслонившихся скверных штампов. Трепетно ждали мы оценки этой работы, рожденной в новой для нас обстановке, в предгорьях Карпат, среди величественных очертаний Львова, среди зрителей, которые желали от

души нашей удачи. Это общее желание, как нам кажется, осуществилось.

Много было радости в театре. Она ощущалась в блеске глаз, в походке, в звучании голосов актеров и режиссеров.

Трагедия отца Рыбакова (народный артист УССР, лауреат Сталинской премии А. Аржадьев) и его сына Ивана Рыбакова (артист А. Иноземцев) была воспринята зрителями с большим волнением. Дело не в аплодисментах и влажных глазах зрителей, а в их размышлениях, беспокойстве о том, как они живут, кому завещают все созданное в гигантском труде и защищенное миллионами жизней от нашествия врага.

Ответить народу на его думы, — понять, что сейчас волнует нашего зрителя, над какими жизненными, моральными, бытовыми вопросами он думает — главная задача. Он ждет ответа на эти вопросы от театра, как от общественной трибуны — вот что надо было учесть прежде всего при составлении репертуара нашего театра на первый год его жизни в издревле украинском Львове, в центре культуры западных областей Украины.

Так появились пьесы: «История одной любви» Симонова — о прочности советской семьи; «Годы странствий» Арбузова — о сложном и трудном пути формирования характера, этических устоев нашей молодежи; и, наконец, «Летчики» Аграновича и Листова — о тех, кому доверено охранять наш труд, нашу землю.

Все чаще и чаще слышен ответ у кассы театра: «На сегодня билетов нет». И фраза-то всего в четыре слова, а какой огромный смысл в ней! Это — признание. А что является более высокой наградой для художника-актера, чем любовь зрителя! Нелегко мы шли к этому дню, путь наш не был усыпан розами, и тем большей признательности достойна основная, главная, репающая фигура в театре — актер. Мы не можем из ложной скромности не говорить, подводя итоги года, о тех, кто создал ряд образов большой, глубокой

правды, придав им увлекательную художественную форму. Не говорить об Аржадьеве, Дальском, Зимовиче, Будагове, Большакове, Пикторской, Колесниченко, Макавейском — значит не говорить о тех, кто сегодня определяет стилевые особенности нашего театра. Пусть перед вашим мысленным взором пройдут образы, созданные ими, и вы снова почувствуете, что они пленили вас.

В числе этих образов — монументально-величественный отец Рыбаков, отвратительное ничтожество Титов, мятущийся Алексей Марков, добродушный дядя Коля и многие, многие другие.

Актеры — основа театра, его фундамент. Но жалок тот творческий организм, который не думает о будущем, о своей смелости. Мы стремимся жить в будущем, а для этого надо растить молодежь. Это совсем нелегко. Это кропотливый труд, требующий терпения, любви и суровой, подчас беспощадной требовательности. Нас радует успех нашей молодежи, ибо в нем — результат усилий всего коллектива.

Вот, например, артист Харченко — воспитанник школы Малого театра. Путевку в жизнь дал ему наш театр — все его актеры. Да одному ли Харченко? А талантливая группа нашей молодежи, подлинники воспитанники театра — Сатаров, Колесова, Байбакова, Федорина, Макогон, Кондратьев, которые уже по нескольку лет работают с нами! Недавно пришедшие в театр бесспорно одаренные Лашина, Иноземцев, Дехтярева, Татаренко и Александров также повседневно ощущают на себе заботу коллектива, выражающуюся не только в поощрениях, но очень часто и даже главным образом — в суровой, но товарищеской критике.

Как же мы рассматриваем этот первый год нашего творчества для львовского зрителя?

Если говорить образно, то мы закончили лишь земляные работы, заложили крепкий фундамент — а еще надо возвести стены; мало их возвести — надо создать

стройную архитектурную композицию, в которой ясно было бы вычерчено творческое лицо, запечатлен творческий почерк театра. Это совершается годами.

У нас также есть долги перед зрителем, и долги весьма основательные.

Мы — русский театр. А как мы осуществляем на своей сцене постановку русской классики: А. Островского, Л. Толстого, М. Лермонтова, А. Чехова, великого М. Горького? Подняться до их величия — такова обязанность театра! Вот тогда-то и будет благодарен зритель за приобщение к великим творениям русской культуры. Да и зарубежная классика не получила достаточного отражения на нашей сцене.

Над чем работает и будет работать театр в 1955 году?

Начинаем с «Талантов и поклонников» Островского, затем покажем инсценировку произведения Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке» (автор Т. Лондон). Ставит этот спектакль выпускник театрального института И. Таланкин, которого мы думаем включить в режиссерскую коллекцию нашего театра.

К 50-летию первой русской революции пойдет пьеса «Кряжевы» Лаврентьева. Вот то, над чем мы конкретно работаем.

Но желаний — больше. Особенно хочется разоблачить всю хищническую подлость американского империализма, показать мерзкую сущность его духовного мира, его повадки, чтобы дать в руки своему народу оружие для разящего смертельного удара.

Прошедший год работы нашего театра можно рассматривать как год серьезных творческих поисков, которые и в будущем должны определять всю нашу деятельность. Искусство не терпит застоя, тем более искусство в нашей стране, где самым высоким и искренним его ценителем является народ-творец.

А. МАКСИМОВ.

Главный режиссер театра ПрикВО, народный артист УССР, лауреат Сталинской премии.